

MIΔΑΣ

ATAGO ZAO

12+

Atago Zao

Мидас

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Zao A.

Мидас / А. Zao — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мидас - гитарист виртуоз, живой гений, легенда. Его музыка льется сквозь пески и отдается звонким эхом в мире, который остывает после ядерной войны. Он стал бы богом для выживших, если бы не заключил самую ужасную сделку в своей жизни.

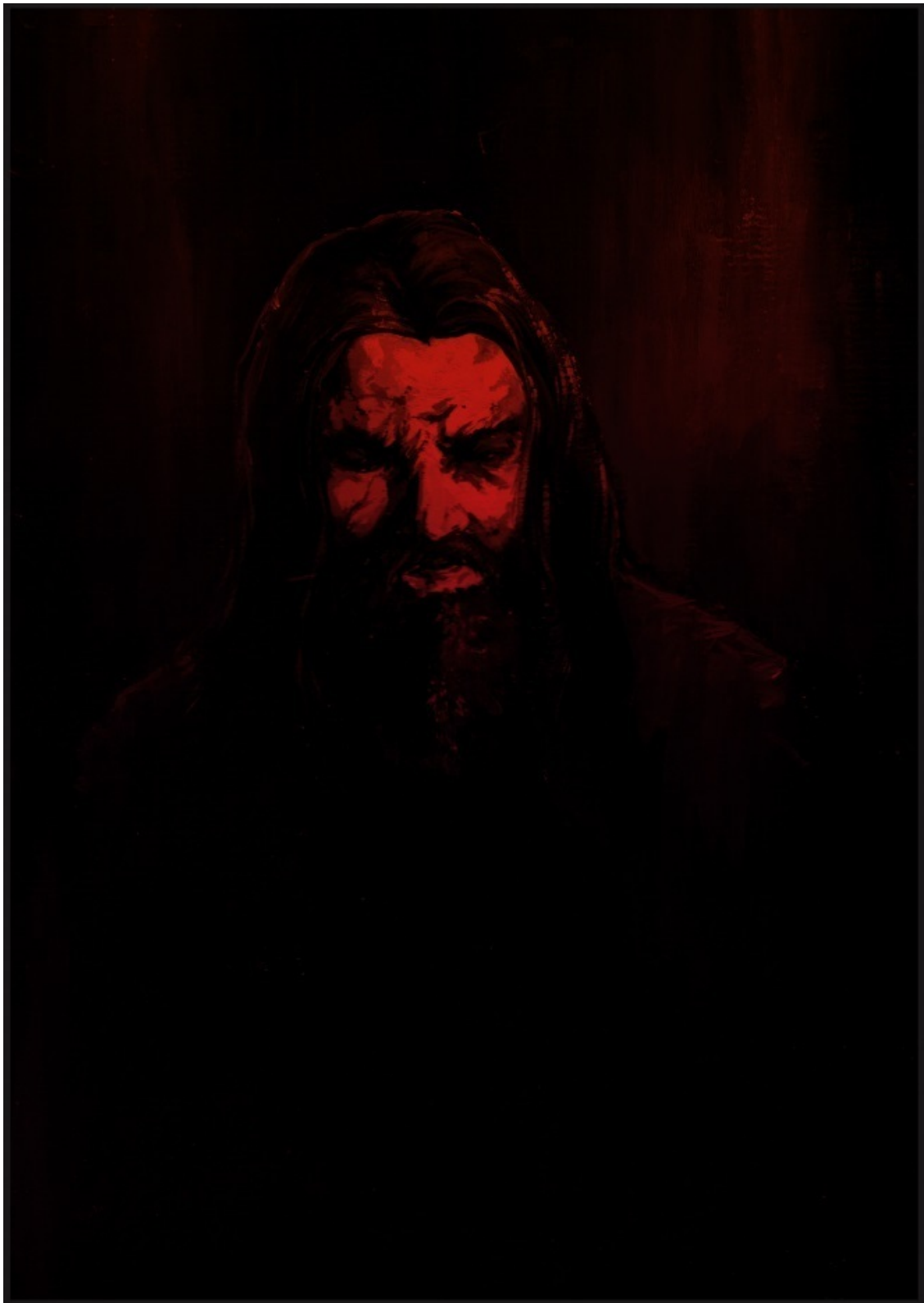
Пролог

Однажды, там, где песок касается раскалённого неба, где усохшие ветви склоняются под палящим солнцем, там, где жизнь протекает скоротечно, словно капля крови по лезвию ножа, брёл в никуда путник.

Лохмотья его старой накидки развевались словно флаг. Флаг беспечности, свободы, которая была лишь мнимой тенью, падающей на каменистую почву. Шпоры сапог уступили былой блеск ржавчине. Они больше не издавали яркого звона, а лишь поскрипывали, наравне отголоскам его душевной боли.

Эта боль терзала его не из прошлого, а ждала в будущем. Зная это, путник шёл ей навстречу, пытаясь сыграть в последний в своей жизни поединок. Также как играл он заключительный аккорд его собственных песен.

Но всё это ждало его через какую-то милю пути, а пока он пел свою последнюю песню...

Акт 1

Рождение

Сумерки мягкой пеленой окутывали небольшое ущелье. Крик стервятников постепенно утихал, а шипение змей уже не отличалось от шелеста песка, гоняемого вечерним ветром.

Где-то там, в глубине, слышался звук старых ржавых цепей, которые, словно Атланты, из последних своих сил держали ветхую табличку «SALOON». Здесь был последний оплот цивилизации на несколько сотен миль вокруг. Место, куда путники заглядывали, дабы переждать не приветливые, ночные песчаные бури.

Были здесь и те, кто не покидал старого деревянного домика. Компания была разношерстной, каждый со своим характером и принципами, но все это меркло перед силой стихии, бушевавшей по ночам. Все они ждали рассветных лучей, словно напоминание, что пора покинуть гостеприимный уголок спокойствия и отправиться в путь. Кто-то возвращался в этот же вечер, кто-то следующей ночью, а некоторые уходили навсегда.

Домик трудно было заметить издали, пески словно не хотели показывать его чужакам. Поэтому считалось, что если ты впервые в этих краях и нашел это пристанище, то удача на твоей стороне. К новеньким здесь относились с опаской, но всегда первая стопка была за счет заведения.

К слову, бар не был богат на разнообразие, но виски хватало всегда и на всех. Старый бармен никогда не жалел выпивки, порой даже переливал через край. Он понимал, что у путника это может быть последняя ночь в здешних краях.

Старик Кени. Так местные звали этого бармена, который был и поваром, всегда подавал на выбор мясо, либо жареные лепешки. Где он доставал продукты никто не знал, да и всем было на это плевать. Ведь если тебе налили и поставили тарелку, значит, до утра ты точно доживешь. Ну а когда со ступенек, которые здешние величаво звали их «сценой», играл на своей гитаре Он, ты и вовсе забывал о своих проблемах.

Местные звали его Мидас. Говорили, что руки у него золотые, и не напрасно. Ведь когда он касался своих струн, воздух вокруг превращался в патоку. А стоило услышать его пение, время тут же замирало и возникало одно единственное желание – лишь бы ночь длилась вечно.

Его длинные черные, словно грива Буцефала, волосы двигались в такт вибрациям струн. Щетина покрывала изрезанное горячими песчинками лицо, а в глазах была боль, которую невозможно было скрыть.

Вся эта боль, как тягучий мазут просачивалась через его песни. В каждой ноте, в каждом звуке, она растекалась по трухлявому полу старого салуна. Звук старой медной оплетки вырывался из-под грифа и разливался золотым эхом в старых покосившихся стенах.

Когда он пел, казалось, даже мыши в полу не шуршат, боясь потревожить ту атмосферу, что воцарялась с первым касанием струн. Его слушатели частенько роняли скупые слезы, чистые как хрусталь. Эта маленькая крупица света и доброты, давала музыканту смысл, то, ради чего стоило бы жить.

Но не все смогли в эти тёмные времена сохранить в себе человечность. Были и те, кого прозвали Пустынными Гиенами. Смысл их существования сводился к уничтожению всего, что попадало в их поле зрения. Высокие, худые, слегка сторбленные, с пальцами как рыболовные крюки, в тёмных одеждах, сплошь засаленных и прокуренных, но всегда с начищенными, золотыми шпорами на сапогах. Их глаза, затянутые серой дымкой, беспрестанно искали жертв. Звяканье шпор, для повстречавших Гиен, было предсмертным звуком в жизни, далее лишь выстрел и темнота.

Судьба всегда была благосклонна в старику Кени и его маленькому бару. Мерзкие странники не доходили до уютной обители скорби. Но сегодня удача отвернулась от них. С юго-запада двигались четыре длинных фигуры.

Атмосферу умиротворенности, стук хрустальных слез о столешницы, потрескивание табака, бархатные переливы голоса и золотой отзвук струн, прервал выстрел.

Дверные щепки, разлетелись стайей шершней. Несколько щепок впились в плечо молодого парня, сидевшего недалеко от входа, распоров белую сорочку и выпустив несколько капель

крови. Ещё парочка осколков разбили керосиновую лампу. Пламя жадной рыжей собакой кинулось на пол и начало растекаться.

В разгорающемся зареве пожара, настроение умиротворенности резко сменилось яростью. Стоял гул из свиста пуль, бьющегося стекла, людских криков, а в воздухе повис едкий запах пороха, горящего дерева и крови.

Люди всеми силами пытались защитить свой уголок спокойствия, но темные, длинные фигуры в фетровых шляпах, устраняли одного за другим и со скоростью молнии приближались к Мидасу.

Путник осознал, что они пришли за ним. Зачем? Почему? Мгновение оставалось для того, чтобы суметь защитить себя и свой инструмент, поэтому он отбросил эти вопросы и сам ринулся в атаку на самого близкого из гиен, но не успел. Ему не хватило какой-то доли секунды. Пуля прошла в районе ключицы навывлет.

А дальше лишь темнота.

Он еще не сыграл своей главной песни, еще не рассказал о своей самой сокровенной боли, которую даже пока еще не знал.

Первое, что бросилось в глаза – едкий цвет песка, отражающего заходящий ярко-оранжевый диск на горизонте. Грудь ломило от невыносимой боли, а во рту ощущался привкус железа.

Он выжил.

Он был бы рад, что судьба дала ему еще один шанс, если бы не куски дерева и остатки струн, лежавшие безобразной грудой рядом с ним.

Гиены рвут на части все, к чему прикасаются, нельзя об этом забывать.

Есть ли смысл продолжать путь, если ты потерял самое дорогое? Человек с золотым сердцем, как его называли местные, мог породить золото, касаясь струн. А теперь? Ему даже нечего коснуться. Ощущения от песка, царапающего лицо на ветру, не сравнятся с той болью, что испытывал в тот момент Мидас.

Он поднял свой взор к заходящему солнцу. Ему представилось, что также подходит к закату его жизнь, что он останется один на один с этой пугающей темнотой навечно. Неизвестностью, которая забирала всех, кто осмеливался выйти в пустыню, когда сумерки окутывали планету.

Но терять уже нечего. И самым разумным было бы уйти в самую темную точку, которую только можно было разглядеть вокруг и укрыться. Ноги сами понесли путника во тьму.

Звенящая тишина вокруг была по перепонкам. Еще никогда ему не приходилось оставаться с ней наедине. Она была везде, просачиваясь сквозь его густые темные волосы, заполняя каждую пору его тела. Только каждый шаг раздавался гулким хрустом уже остывшего песка, а душевная рана разрасталась с каждым сантиметром пути все сильнее.

Ветер усиливался. Тот самый восточный ветер, что принесет перемены, – подумал Мидас. Он двигался навстречу этому воздушному потоку.

Не понимая, сколько времени уже бредет в темноте, он ощущал, что пески поднимались все выше. Ночной смотритель пустынь словно развлекался, поднимая тонны песка в воздух и мешая идти.

Пришлось опустить глаза и двигаться просто по наитию, куда несут его ноги. Силы все быстрее покидали Мидаса, каждый шаг мог стать последним. Из-за бури и тьмы не было видно ничего дальше собственной руки, словно ширма из острых песчинок накрыла его.

Силы кончались. Он понимал, что сейчас он делает последние шаги, перед тем как упасть навзничь без сознания. К утру его тело уже занесет песком, оставив музыканта в этой безымянной могиле навечно. Некогда человек с золотым сердцем, станет лишь грудой костей под толщей раскаленного желтого ковра.

Тут путник заметил впереди яркий отсвет костра, в один миг отвлекший его от начавшейся агонии. Он ощущал себя маленьким судном в шторм, что чудом увидело луч маяка.

Свет слепил, застилая уставшие глаза теплым, ласковым заревом.

И лишь подойдя вплотную, Мидас был удивлен тем, что ветер и буря не задевают огненное пламя.

– Присядь, ты устал, – сказал человек у костра, – здесь нет ветра, камни в метре от тебя, он не пробьется сквозь них.

Мидас огляделся. И как он не смог заметить огромные валуны, метров по пять, семь в высоту. Они будто ночные стражи охраняли костер. Создавалось ощущение, что это древние боги, снова протянули ему руку помощи, в который раз отсрочив смерть музыканта, который в одночасье стал лишь путником.

– Выпей, – сказал человек у костра, протягивая бутылку скотча.

– Мне бы воды, – еле слышно прохрипел Мидас. Его горло словно наждачной бумагой протирало песком.

Человек протянул небольшую узорную фляжку из чёрного металла. Мидас быстро схватился за нее трясущимися руками, залпом осушив, при этом виновато посмотрев на незнакомца.

– Не волнуйся, воды у меня в избытке, а вот хорошего алкоголя не так уж много. Ты уверен, что не хочешь выпить?

Мидас одобрительно кивнул, взял у своего нового знакомого бутылку и сделал небольшой глоток. Приятная пряность и тепло наполнили его горло. Через пару мгновений, он почувствовал усталость, как будто вернулся в родной дом, после долгой прогулки.

И только сейчас, отдышавшись, он мог рассмотреть человека. Его очень острые скулы, смотрелись слегка нечеловечно в свете костра, а в глазах мелькал диковатый огонек. Шляпа с широкими краями почти полностью закрывала его взгляд. Одет он был слишком шикарно для здешних мест: темно-бордовый жилет, поверх черной рубахи, которая сидела на нем как влитая, роскошные лакированные туфли с металлическим острым концом. Аккуратная небольшая борода и ровные усы с завитками на концах – все это выдавало в нем зажиточного человека, пришедшего издалека. Но как он совершил такой путь и даже не запыхал свои туфли?

– Как тебя зовут? – немного придя в себя, спросил Мидас
– Я уже и сам не помню. Столько брожу по миру, что слышал разные имена, и помню тысячу различных вариантов, как называли меня.
– А ты сам, как назвал бы себя?
В глазах незнакомца, блеснул огонёк, словно он вспомнил нечто забавное.

– Наверное, назвал бы себя Джеком или Джоном. Просто и неприметно. Пусть будет Джон, Джек звучит резко, как звук хлыста, – путник, слегка улыбнувшись, продолжал смотреть в костёр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.